

ВЫПУСК 230-й

Четверть века назад он впервые появился на экране, сразу завоевав симпатии кинозрителей. Сегодня один из популярнейших советских актеров, мастер многоплановый, глубокий и тонкий, теперь уже ветеран столетнего театра «Современник», художественный руководитель московской студии молодых актеров, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Олег Павлович ТАБАКОВ — гость нашей 13-й страницы.

— Насколько известно, Олег Павлович, ваше время расписано буквально по минутам. Сообщите, хотя бы в общих чертах, свою программу на ближайшие месяцы.

— В студии готовим новый спектакль, в котором я буду играть вместе со студийцами. Набрал новый курс в ГИТИСе. Снимаюсь в трех кинокартинах — и в современных, и в «Доходном месте» по Островскому (роль Юсова). Приглашен вести курс мастерства актера в Финском театральном институте, значит, в октябре — декабре буду работать в Хельсинки. По возвращении начну репетировать в «Современнике» Чебутыкина в «Трех сестрах».

— Как вы готовите роль? Какие поиски, исследования (может быть, работа в архивах) этому сопутствуют?

— (Усмехается). В архивах? Несколько наивное представление о нашей технологии... Актеру полагается быть переполненным заготовками образов. Самые разные люди должны жить в нем, стучаться, рваться из него! Возможно, я никогда не сыграю Ричарда III, или Иудушку Головлева (хотя Венгерское телевидение предлагает эту роль), или князя Мышкина (а некогда Яшин звал на постановку «Идиота» в театре имени Станиславского), но они давно созрели во мне. Ведь играешь не только классический персонаж — играешь прежде всего своего современника в данном литературно-историческом антураже. Безусловно, необходима оригинальная, соответствующая той или иной эпохе пластика, но мотивации движений души должны быть сегодняшними. Не верьте, когда актер распространяется о поисках в архивах. Жизнь вокруг дарит ему множество заготовок. Если в какой-то момент не находишь этого обилия личностей внутри себя, нужно провести неделю на вокзалах или в небольшом людном городке, чтобы почерпнуть впечатлений, обновить запас.

— Давайте, Олег Павлович, вспомним юного абитуриента школы-студии МХАТ Лёлика Табакова — каким он был?

— (Отвечая, все время смеется). Шея 36-го размера, костюм слегка «на вырост»...

Незаполненный резервуар, весь состоявший из предчувствий грядущего театра. Был исключительно мил ко всем — такой, знаете, маленький Молчалин, ха-ха-ха! Четко знал, что можно, чего нельзя. Начитанный юноша из Саратова, неизменно нравившийся всем преподавателям. На театральную стезю его привели нереализованные стремления пращуров. Бабушка истово пела русские песни в стиле Руслановой; мама декламировала на любительских вечерах, страшно стесняясь этого и одновременно гордясь. Смирив артистические страсти предков, природа не выдержала и на мне допустила прорыв...

ним мальчишкам меня охватила при виде его отчаянности... Не так уж много вокруг мужчин-мальчишек: не мальчиков, а именно мальчишек в лучшем смысле слова. Конечно, бытие учит уму-разуму, но благородное мальчишество, сохраняемое в сердце на всю жизнь, ценю выше многих свойств человеческой природы.

— А если обойтись без сравнений, то каков сегодня Олег Табаков?

— Счастливый человек. Занимаюсь любимым делом, оно для меня не столько работа, сколько продолжение игры, оно мне совершенно в радость (да еще за это зарплату платят). От лю-

менника» мне дали роль, далеко не главную, Ефремов занимался другими исполнителями; так я, чтобы выпустить избыток энергии, бегал с первого этажа на третий и обратно!

— Среди ваших работ, даже самых удачных, вероятно, есть такая, что принесла ощущение полной творческой победы?

— Был приглашен в Прагу сыграть Хлестакова в «Ревизоре». И вот, еще даже не на репетиции, а лишь на чистке пьесы чешские коллеги после четвертого акта мне зааплодировали! А встречали осторожно: дескать, как он впишется в наш ансамбль? Убедил! Вот это была победа. Причем обычно у меня давление космонавтское, а в процессе чистки подскочило неимоверно — 200 на 160! Это и есть стрессовая ситуация, когда выдаешь максимум того, на что способен. И, кстати, проверяешь, в самом деле способен или пора в утиль... В этом году

кие обижаются, что я отдаю студийцам и гитисовцам много времени, но ничего с собой поделать не могу. Студия — главное мое занятие сегодня. Пришедшие когда-то в нее молодые люди работают теперь в разных московских театрах, но не расстались со студией, — могу ли я расстаться с ней?

— Какие качества цените вы в людях, в партнерах по сцене и съемкам? И что более всего вам претит?

— В людях ценю доброту, чувство юмора. А в партнерах еще и «живой глаз»: способность живо и непосредственно воспринимать действие, общение, посыл... Особенно претят

ОЛЕГ ТАБАКОВ

— Что осталось в нынешнем кино-театральном мэтре от этого милого Лёлика?

— Прошли годы. В моей судьбе были Василий Осипович Топорков — незабвенный ментор, Олег Ефремов, был и есть «Современник»... Точно знаю, что не забуду, не очерствел, пытаюсь по-прежнему мерить себя мерками своих молодых героев, скажем, того романтического мальчишки, который отцовской шашкой крушил полированную мебель родичей-мещан в фильме «Шумный день». Хочу, чтобы ему не было стыдно за меня...

Мои путеводители — книги Абрамова, Астафьева, Белова, Быкова, Айтматова, Носова, Распутина, Трифонова, Вампилова, Володина... Что любишь сейчас, узнаешь неожиданно. Как-то на днях за городом сижу у костра и вижу оглашенного парнишку, который мчит на велосипеде по сельским буеракам; такая волна санимента, нежности к подоб-

бимого дела никогда не устает. Не понимаю актеров, которые жалуются: «Роль отнимает все силы»... Сделавшись старше, стал строже к себе. Происходит фиксация души, которая изначально была розовой, мягкой, открытая для всякой боли и, пожалуй, до сих пор не загорела. Что еще не утрачено из важного — способность понимать, что многого живется сложнее, чем мне; и не просто понимать, а стараться помочь.

— Ваши персонажи органичны, искренни, достоверны, — как такое удается?

— Это заслуга скорее папы с мамой. Ну, и свидетельство того, что я, по-видимому, на своем месте. Стань я, допустим, адвокатом или медиком, словом, кем мне не следовало становиться, — скольким людям мог бы принести вред... А театром дышал и дышу. Помню, в первые годы существования «Совре-

ранней весной ездили мы в США на открытие первого кинотеатра для демонстрации советских фильмов; из актеров в делегации были Марина Неёлова, Никита Михалков и я. Привезли «Несколько дней из жизни Обломова». Очередь за билетами на фильм я видел собственными глазами — человек в двести пятьдесят хвост. Тридцать газет и журналов, выходящих в стране, да еще пятнадцать сугубо нью-йоркских написали о нашем фильме весьма уважительно. А сразу оттуда, из-за океана, я явился в Оренбург сыграть несколько раз в «Провинциальных анекдотах» по приглашению местного театра. И представьте, когда выходил кланяться, оренбургский зал вставал! Награда, которую не исчислишь... Вот все это вместе — успех за океаном и на Урале — и принесло ощущение творческой победы.

— А знакомо вам чувство творческого кризиса?

— Знакомо. Кризис — это когда думаешь, что не в силах сделать необходимое. Страх перед пробой сил. Должен был играть в «Обыкновенной истории», но здорово заболел; Галина Волчек, верный товарищ, не стала заменять другим исполнителем и ждала, пока я возвращусь в строй. Когда смог вернуться, вдруг перед продолжением репетиции испытал этот страх.

— Что привело вас к режиссуре?

— Специального образования у меня нет, в режиссерских изысках я не силен. Но помочь актеру, довести его до образа, от которого он в корне отличен, — это, оказывается, могу. Режиссерскую борьбу выигрываешь делом. Угадыванием исполнителей на роли. Умением влюбить их в то, во что сам влюблен.

— А как вы занялись театральной педагогикой? Почему?

— К этому привело стремление продолжиться в молодых. Оставить после себя нечто более прочное, нежели то зыбкое и преходящее, что представляет собой конкретный спектакль... Память детства: сидели мы втроем за стол — мама, сестра и я, и мне очень хотелось, чтобы нас было много больше. Теперь семья у меня по современным масштабам не маленькая; однако дочь незаметно подросла, сын стал взрослым, пошел в актеры и женился, вот и возникла тяга к ребятам. Педагог я не ахти какой: я их всех люблю и все им прощаю. Зато с ними я всегда сам молод. Близ-

глупость, жадность. Высокомерие.

— Конечно, ничто человеческое вам не чуждо и у вас есть свои слабости?

— (Хочет). Сколько угодно!.. Люблю много и вкусно поесть. Ленив, хотя и трудопособен. Шесть лет назад поменял жилье и все шесть лет не могу разобрать книги и вещи, привести их в тот порядок, который желанен моей жене. Правда, в этом беспорядке нахожу одному мне известный порядок... Но, заметим, с возрастом совершенствуюсь: например, перестал беспощадно разыгрывать приятелей.

— Вам повезло, Олег Павлович: этот выпуск 13-й страницы — 230-й, и предыдущий тоже был 230-й, но не совсем, так как однажды мы сбились со счета и номер выпуска пропустили (за что и приносим извинения читателям).

— Ничего, я стойко восприму ваши математические затруднения.

— У вас есть девиз, любимое изречение?

— Время от времени открываешь для себя новые девизы. Например, такие, из Достоевского и Льва Толстого: «Совесть — это предчувствие доступной человеку истины», «Стиль — это гнев, обращенный внутрь». Слова Ахматовой, которые я полностью отношу и к актерскому труду: «О, если б знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда!».

— Что самое важное для вас в работе?

— Товарищество. В студии мне помогают надежнейшие сотоварищи — Андрей Дроздин, Авангард Леонтьев; благодаря им я больше на два человека. Театральное дело — это компания, команда; при самых крутых перепадах жизни ты с товарищами, а они — с тобой.

— И не бывает мгновений, когда совсем не хочется ни репетировать, ни играть?

— Нет. Если что-то подобное приближается, надо просто выпастись. Лечь до полуночи, приняв аспирин и запив его молоком.

Гостя расспрашивал
Эдуард ЦЕРКОВЕР.